

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIII. SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 4.

Volume IV. № 4.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ

ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО.

(Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1898 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

Н. Н. Глазунова, М. Эггера и Копп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Кляюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Куммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopof à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цена: 40 к. — Prix: 1 Mk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1899 г.   Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вс. Остр., 9 лн., № 12):

ОТЧЕТЪ

0

ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

29 ДЕКАБРЯ 1898 ГОДА

НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ, АКАДЕМИКОМЪ Н. В. ДУБРОВИНЫМЪ.

На соисканіе премій имени графа Д. А. Толстого было представлено пять сочиненій, по оцѣнкѣ которыхъ Академія постановила выдать преміи нижеслѣдующимъ двумъ:

І. Л. Бессеръ и К. Баллодь. Смертность, возрастной составъ и долговѣчность православнаго народонаселенія обоего пола въ Россіи за 1851—1890 годы, съ приложеніями: Смертность, возрастной составъ и долговѣчность во Франціи за 1882—1886 г., — Прибалтійскаго края за 1880—1883 г., — Пруссіи и Баваріи за 1881—1890 г., и Англии, Бельгіи и Австріи за 1880—1890 г. Спб. 1897.

Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя уважаемый нашъ сочленъ, академикъ К. С. Веселовскій.

Явившееся нынѣ на соисканіе преміи графа Д. А. Толстого сочиненіе гг. Бессера и Баллода, было представляемо Академіи еще въ рукописи, въ сентябрѣ 1895 г. и, по разсмотрѣніи его, найдено на столько заслуживающимъ вниманія, что удостоилось помѣщенія въ ея „Запискахъ“. Поэтому здѣсь достаточно лишь напомнить о тѣхъ качествахъ этого труда, которыя послужили основаніемъ для столь лестной оцѣнки его со стороны Академіи.

Вопросъ о величинѣ смертности въ странѣ, какъ наиболѣе прямою показателѣ степени народнаго благосостоянія, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. А между тѣмъ, въ примѣненіи къ Россіи, онъ представляетъ такую задачу, которая, по состоянію у насъ необходимыхъ для ея изслѣдованій матеріаловъ, еще не поддается точному рѣшенію. Неполнота и неточность статистическихъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ метрическихъ записей о родившихся и умершихъ, вынуждаютъ прибѣгать, при вычисленіи законовъ смертности, къ разнаго рода болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніямъ, допущеніямъ и интерполяціямъ, которыми хотя и удается восполнить въ нѣкоторой степени, гипотетически, недостающее въ основныхъ данныхъ, но никакъ не можетъ быть вполне устранено вліяніе ихъ недостаточности. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія задачи о законахъ смертности въ Россіи явилась та разнорѣчивость результатовъ сдѣланныхъ доселѣ изслѣдованій по этому предмету, которая потребовала новаго пересмотра вопроса. Извѣстно, что нашъ достославный математикъ, академикъ В. Я. Буняковскій, въ цѣломъ рядѣ записокъ, напечатанныхъ имъ въ 1860-хъ и 1870-хъ годахъ въ нашихъ изданіяхъ, представилъ какъ выводъ изъ своихъ вычисленій, что степень смертности въ православномъ народонаселеніи Россіи не болѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ намъ странахъ Европы, и въ особенности въ Пруссіи. Этотъ столь благоприятный выводъ не замедлилъ вызвать сомнѣніе, въ особенности въ медицинскихъ кругахъ, ближе знакомыхъ съ санитарными условіями у насъ народной жизни. Такое сомнѣніе получило для себя оправданіе въ изслѣдованіяхъ другого отличнаго математика: доцентъ Страсбургскаго университета, ученикъ и послѣдователь знаменитаго профессора Лексиса, Вл. Борткевичъ, въ двухъ статьяхъ, украсившихъ наши „Записки“ въ 1890 и 1891 годахъ, строгимъ математическимъ анализомъ имѣющихся у насъ статистическихъ данныхъ, приведенъ былъ къ выводамъ, по которымъ степень смертности того же народонаселенія менѣе выгодна, чѣмъ въ Германіи и особенно въ Пруссіи. Такое существенное разногласіе по

отношенію къ столь важному вопросу требовало разъясненія путемъ новаго, подробнаго и обширнаго изслѣдованія; таковымъ и является работа, представленная нынѣ гг. Бессеромъ и Баллодомъ для соисканія преміи графа Д. А. Толстого.

Критически разобравъ и провѣривъ всѣ методы, примененные доселѣ къ исчисленію русской смертности и произведя за болѣе продолжительный періодъ времени опредѣленіе этой смертности помощью пріемовъ, признаваемыхъ ими наиболѣе цѣлесообразными, они пришли къ выводамъ въ сущности близко подходящимъ къ выводамъ г. Ворткевича, такъ что разницы между полученными ими величинами русской смертности и выведенными симъ послѣднимъ менѣе значительны, чѣмъ между выводами ихъ и г. Ворткевича и опредѣленіями Вуняковскаго. Это согласіе выводовъ, полученныхъ двумя, равно тщательными и независимо одно отъ другого произведенными изслѣдованіями, составляетъ важный шагъ къ точнѣйшему познанію русскаго народонаселенія съ біометрической стороны. Отнынѣ бдльшая смертность этого народонаселенія сравнительно съ другими европейскими странами получаетъ значеніе факта установленнаго наукою, факта важнаго, долженствующаго вызвать дальнѣйшія изысканія о причинахъ этого невыгоднаго для насъ явленія.

Къ этому должно прибавить, что при той полнотѣ, какую гг. Бессеръ и Баллодъ дали своей работѣ, введя въ нее, для большей поучительности, сравненіе Россіи по степени смертности, по возрастному составу народонаселенія и по долговѣчности съ другими странами Европы, ихъ сочиненіе представило собою и по размѣрамъ своимъ трудъ почтенный, достойный вниманія и поощренія.

На основаніи изложеннаго Академія постановила наградить сочиненіе гг. Л. Бессера и К. Баллода большою почетною золотою медалью.

И. П. Г. Мацокинъ. Метисы Забайкалья (рукоп.).

Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя почетный членъ Академіи Д. Н. Анучинъ.

Изученіе помѣсей между человѣческими расами составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ задачъ антропологіи. Къ сожалѣнію, это изученіе, можно сказать, только намѣчено; обстоятельныхъ, детальныхъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи произведено еще очень мало. Объясняется это отчасти позднимъ развитіемъ антропологіи вообще, отчасти—трудностью выдѣлить различныя степени метисаціи и установить чистые расовые типы. Кровное смѣшеніе различныхъ племенъ и расъ происходило съ глубокой древности, вызывая варіаціи типовъ и содѣйствуя умноженію переходныхъ формъ. Въ особенности это примѣнимо къ странамъ, въ которыхъ сталкивалось большое число племенъ, то вступавшихъ между собою въ борьбу и подчинявшихъ одно другихъ силою, то сливавшихся постепенно въ одну народность и усваивающихъ себѣ общую культуру.

Смѣшеніе и метисація племенъ играли, несомнѣнно, важную роль и въ исторіи образованія русской народности. Съ глубокой древности славяно-русскія племена приходили въ соприкосновеніе съ племенами финскими и тюркскими, болѣе или менѣе смѣшивались съ ними, а также воспринимали ихъ въ себя. Смѣшеніе происходило отчасти кровнымъ путемъ, посредствомъ браковъ, отчасти путемъ усвоенія инородцами русскаго языка, вѣры и образа жизни. Все это, несомнѣнно, должно было способствовать болѣе варіаціи типовъ въ предѣлахъ русской народности и измѣненію ея общаго облика въ теченіе ряда поколѣній. Впрочемъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такое измѣненіе типа обуславливалось исключительно смѣшеніемъ и метисаціей. Есть нѣкоторое основаніе думать, что типъ можетъ измѣняться съ вѣками, помимо метисаціи, подъ вліяніемъ условій жизни и процесса, соответствующаго естественному отбору. Съ другой стороны, результаты метисаціи могутъ быть весьма различны, въ зависимости отъ степени устойчивости типовъ, отъ преобладанія въ потомствѣ той или другой крови, отъ болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго возврата (реверсии) къ типамъ производителей.

„Вліяніе метисаціи — говоритъ ученый рецензентъ — можетъ быть изучаемо всего удобнѣе въ такихъ областяхъ, гдѣ она нача-

лась сравнительно недавно, гдѣ смѣшивающіяся племена рѣзче обособлены между собою и гдѣ притомъ они представлены еще, каждое, довольно чистыми типами. Одною изъ такихъ областей является, безспорно, Сибирь, въ особенности же Забайкалье, гдѣ мы находимъ, съ одной стороны, коренное населеніе бурятъ, представителей монгольской расы, — съ другой продукты смѣшенія съ ними пришлыхъ колонизаторовъ, русскихъ, и, наконецъ, обособленное русское населеніе, въ лицѣ раскольниковъ, „семейскихъ“, явившихся въ область, какъ показываетъ самое прозвище, съ семьями, и сохранившихъ до сихъ поръ свою обособленность, благодаря ихъ религіозной замкнутости, не допускающей брачнаго общенія не только съ бурятами, но и съ православными русскими. Присутствіе въ Забайкальи „семейскихъ“ значительно облегчаетъ здѣсь сравнительно-антропологическое изученіе типовъ. Конечно, можно было бы воспользоваться для подобнаго сравненія какою либо другою группою русскаго населенія, свободною отъ всякой бурятской примѣси и живущею въ отдаленіи отъ Забайкалья, напр., гдѣ либо въ Европейской Россіи, но это, во всякомъ случаѣ, затрудняло бы непосредственное сравненіе. Благодаря же присутствію „семейскихъ“, изслѣдователь можетъ изучать въ самомъ краѣ, иногда даже въ одномъ пунктѣ, представителей всѣхъ трехъ, антропологически разнящихся между собою, категорій населенія области.

„До послѣдняго времени, однако, никому не приходило въ голову воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для сравнительно-антропологическаго изученія. Впрочемъ, и вообще научное изученіе восточно-сибирскаго населенія началось лишь весьма недавно“.

Главной задачей г. Мацокина было выясненіе типа метисовъ, продуктовъ кровнаго смѣшенія русскихъ съ бурятами, путемъ систематическаго изслѣдованія извѣстнаго числа мужскихъ особей, какъ изъ среды помѣсей, такъ и изъ двухъ категорій племень-производителей. Объектами изслѣдованій служили: для бурятъ — 50 нижнихъ чиновъ забайкальской № 1 казачьей конно-артиллерійской батареи и сборной сотни, состоящей исключительно изъ бурятъ I Военнаго отдѣла казачьихъ войскъ области;

для „семейскихъ“ — 65 нижнихъ чиновъ 4-го Восточно-сибирскаго линейнаго батальона, означенныхъ въ спискѣ раскольниковъ и подтвердившихъ это при распросахъ; наконецъ, для метисовъ — 65 нижнихъ чиновъ того же батальона, не принадлежащихъ къ числу раскольниковъ, и которыхъ можно было признать за помѣсей, „какъ на основаніи отвѣта ихъ „я сибирякъ“, такъ равно и при наличности тѣхъ или иныхъ бурятскихъ особенностей въ типѣ“.

Г. Мацокинъ знакомитъ въ началѣ своего труда съ приемами своихъ антропологическихъ изслѣдованій. Эти приемы, по употреблявшимся при нихъ инструментамъ и выбору измѣреній, не вполне соответствуютъ нынѣ установившимся, какъ это и признаетъ самъ авторъ. „Самымъ больнымъ мѣстомъ въ моей работѣ — говоритъ онъ — остаются нѣкоторые пробѣлы и недостатки, состоящіе главнымъ образомъ въ томъ, что кое-какія измѣренія производились отличнымъ отъ общеустановленныхъ приемовъ способомъ; но единство такихъ способовъ, выдержанныхъ по отношенію ко всѣмъ 180 особамъ Забайкалья, нисколько, надо полагать, не умаляетъ достоинства итоговъ, которые по этому могутъ въ достаточной степени служить вопросу о разрѣшеніи намѣченной этюдомъ цѣли“.

Тѣмъ не менѣе, своеобразность принятой авторомъ схемы затрудняетъ сравненіе его данныхъ съ имѣющимися относительно другихъ племенъ и не даетъ отвѣта на нѣкоторые вопросы. Объясняется же эта своеобразность тѣмъ, что авторъ, приступивъ къ своимъ изслѣдованіямъ, не былъ достаточно знакомъ съ антропологическою литературою и съ антропометрическими инструкціями, и познакомился съ ними уже позже, при обработкѣ своего труда. Познакомивъ съ приемами своихъ измѣреній, авторъ даетъ краткій географическій и историческій обзоръ Забайкальской области, а затѣмъ переходитъ къ подробному антропологическому описанію избранныхъ имъ трехъ группъ, на основаніи результатовъ своихъ изслѣдованій надъ указаннымъ выше числомъ особей. Описаніе это весьма подробно и сопровождается детальными таблицами измѣреній.

Разсмотрѣвъ типы раскольниковъ и бурятъ, авторъ останавливается на сибирякахъ-метисахъ и отмѣчаетъ въ нихъ черты сходства съ бурятами съ одной стороны, и съ „семейскими“, съ другой. Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что метисы представляютъ собою особый типъ, занимающій среднее положеніе между типами производителей.

„Несмотря на нѣкоторые недостатки и промахи, говоритъ Д. Н. Анучинъ, трудъ г. Мацокина представляетъ интересъ, какъ первая попытка систематическаго изученія продуктовъ метисаціи между русскими и инородцами (монгольской расы), при чемъ авторъ руководился раціональнымъ методомъ — сравненія типа помѣсей съ типами расъ производителей, въ ихъ болѣе чистыхъ группахъ. Если результаты изслѣдованій автора въ этомъ направленіи и нуждаются еще въ провѣркѣ, если группа сибиряковъ-метисовъ и требуетъ еще болѣе тщательнаго анализа, какъ по отношенію къ ея составу и образованію, такъ и ея отличительныхъ признаковъ, то, во всякомъ случаѣ, будущему изслѣдователю нельзя будетъ игнорировать сопоставленій г. Мацокина, а въ особенности указанной имъ устойчивости этой группы и ея промежуточнаго положенія между типами производителями“.

Въ виду этого Академія постановила присудить П. Г. Мацокину малую золотую медаль и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить благодарность своему почетному члену Д. Н. Анучину.

Отзывъ о соч. П. Г. Мацокина:

Антропологическій этюдъ. Метисы Забайкалья.

1898. (Рукопись). 556+2 стр.

Рецензія Д. Н. Анучина.

Изученіе помѣсей между человѣческими расами составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ задачъ антропологии. Къ сожалѣнію, это изученіе, можно сказать, только намѣчено; обстоятельныхъ детальныхъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи произведено еще очень мало. Объясняется это, отчасти, позднимъ развитіемъ антропологии вообще, отчасти — трудностью выдѣлить различныя степени метисаціи и установить чистые расовые типы. Кровное смѣшеніе различныхъ племенъ и расъ происходило съ глубокой древности, вызывая варіаціи типовъ и содѣйствуя умноженію переходныхъ формъ. Въ особенности это примѣнимо къ странамъ, въ которыхъ сталкивалось болѣе число племенъ, то вступавшихъ между собою въ борьбу и подчинявшихъ одно другихъ силою, то сливавшихся постепенно въ одну народность и усваивавшихъ себѣ общую культуру.

Смѣшеніе и метисація племенъ играли, несомнѣнно, важную роль и въ исторіи образованія русской народности. Съ глубокой древности славяно-русскія племена приходили въ соприкосновеніе съ племенами финскими и тюркскими, болѣе или менѣе смѣшивались и сливались съ ними, а также воспринимали въ себя кровь другихъ народностей, западныхъ и восточныхъ, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, или представители коихъ усваивали себѣ русскую культуру. Смѣшеніе происходило отчасти кровнымъ путемъ, посредствомъ браковъ, отчасти путемъ усвоенія инородцами русскаго языка, вѣры и образа жизни. Все это, несомнѣнно, должно

было способствовать бѣльшей варіаціи типовъ въ предѣлахъ русской народности и измѣненію ея общаго облика въ теченіи ряда поколѣній. Впрочемъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такое измѣненіе типа обусловливалось исключительно смѣшеніемъ и метисаціей. Есть нѣкоторое основаніе думать, что типъ можетъ измѣняться съ вѣками помимо метисаціи, подъ вліяніемъ условій жизни и процесса, соответствующаго естественному отбору. Съ другой стороны, результаты метисаціи могутъ быть весьма различны, въ зависимости отъ степени устойчивости типовъ, отъ преобладанія въ потомствѣ той или другой крови, отъ болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго возврата (реверсіи) къ типамъ производителей.

Вліяніе метисаціи можетъ быть изучаемо всего удобнѣе въ такихъ областяхъ, гдѣ она началась сравнительно недавно, гдѣ смѣшивающіяся племена рѣзче обособлены между собою и гдѣ притомъ они представлены еще, каждое, довольно чистыми типами. Одною изъ такихъ областей является, безспорно, Сибирь, въ особенности Забайкалье, гдѣ мы находимъ, съ одной стороны, коренное населеніе, буряты, представителей монгольской расы, — съ другой — продукты смѣшенія съ ними пришлыхъ колонизаторовъ, русскихъ, и, наконецъ, обособленное русское населеніе, въ лицѣ раскольниковъ «семейскихъ», явившихся въ область, какъ показываетъ уже самое ихъ прозвище, съ семьями, и сохранившихъ до сихъ поръ свою обособленность, благодаря ихъ религіозной замкнутости, не допускающей брачнаго общенія не только съ бурятами, но и съ православными русскими. Присутствіе въ Забайкальи «семейскихъ» значительно облегчаетъ здѣсь сравнительно-антропологическое изученіе типовъ. Конечно, можно было бы воспользоваться для такого сравненія какою либо другою группою русскаго населенія, свободною отъ всякой бурятской примѣси и живущею въ отдаленіи отъ Забайкалья, напр., гдѣ либо въ Европ. Россіи, но это, во всякомъ случаѣ, затруднило бы непосредственное сравненіе. Благодаря же присутствію «семейскихъ» изслѣдователь можетъ изучать въ самомъ краѣ, иногда даже въ одномъ пунктѣ, представителей всѣхъ трехъ, антропологически разнящихся между собою, категорій населенія области.

До послѣдняго времени однако никому не приходило въ голову воспользоваться этимъ условіемъ для сравнительно-антропологическаго изученія. Впрочемъ, и вообще научное изученіе восточно-сибирскаго населенія началось лишь весьма недавно. За послѣднее время появились однако диссертациі: д-ра И. И. Шендриковскаго — о бурятахъ - селенгинцахъ (1894) и д-ра М. Т. Поротова — о бурятахъ-аларцахъ (1895), которыя, съ присоединеніемъ къ нимъ монографіи А. А. Ивановскаго — о монголахъ-торгоутахъ (1893) и описаній бурятскихъ череповъ Н. М. Маліева, А. П. Богданова и др., даютъ достаточное понятіе о монголо-бурятскомъ

типѣ. Гораздо скуднѣе данныя, имѣющіяся о русскомъ населеніи той же области. На замѣтную примѣсь въ немъ бурятской крови указывали еще Гмелинъ и Палласъ; подробнѣе говорилъ о томъ же, въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Щаповъ; тѣмъ не менѣе, систематическихъ наблюдений не производилъ никто, и г. Мацокинъ былъ, повидимому, первымъ, рѣшившимся на специальное изученіе русскаго населенія Забайкалья.

Главной задачей г. Мацокина было выясненіе типа метисовъ, продуктовъ кровнаго смѣшенія русскихъ съ бурятами, путемъ систематическаго изслѣдованія извѣстнаго числа мужскихъ особей какъ изъ среды помѣсей, такъ и изъ двухъ категорій племень-производителей. Объектами изслѣдованій служили: для бурятъ—50 нижнихъ чиновъ Забайкальской № 1 казачьей конно-артиллерійской батареи и сборной сотни, состоящей исключительно изъ бурятъ I Военнаго отдѣла казачьихъ войскъ области; для «семейскихъ»—65 нижнихъ чиновъ 4-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона, отмѣченныхъ въ спискѣ раскольниковъ и подтвердившихъ это при распросахъ; наконецъ, для метисовъ—65 нижнихъ чиновъ того же батальона, не принадлежащихъ къ числу раскольниковъ, и которыхъ можно было признать за помѣсей, «какъ на основаніи отвѣта ихъ — «я сибирякъ», такъ равно и при наличности тѣхъ или иныхъ бурятскихъ особенностей въ типѣ». Къ сожалѣнію, у автора, даже въ подробныхъ спискахъ измѣреній, не указано, изъ какихъ именно селеній (или городовъ) были родомъ изслѣдованные имъ «семейскіе» и «сибиряки». Жаль также, что авторъ не постарался собрать возможно болѣе подробныхъ свѣдѣній (историческихъ, изъ мѣстныхъ преданій, изъ разспросовъ) относительно происхожденія и времени прибытія въ край обѣихъ этихъ категорій населенія. Авторъ называетъ тѣхъ и другихъ великоруссами, но считаетъ «семейскихъ» болѣе чистымъ типомъ, остающимся безъ примѣси со времени поселенія въ Забайкалья (около 1756 г.), и, вѣроятно, бывшимъ таковымъ и ранѣе, въ Европейской Россіи, гдѣ раскольники обособились еще въ половинѣ XVII вѣка. Авторъ, впрочемъ, упоминаетъ, что семейскіе принадлежатъ къ разнымъ толкамъ, и, дѣйствительно, между ними имѣются какъ пріемлющіе священство, такъ и непріемлющіе его, т. е. безпоповцы. Съ другой стороны, извѣстно, что переселеніе раскольниковъ въ Забайкалье происходило постепенно, въ періодъ времени съ 1733 по 1767 г., и что часть ихъ выселилась сначала въ западный край, въ тогдашнія польскія владѣнія, и уже позже двинулась за Уралъ. Самъ авторъ замѣчаетъ, что въ числѣ фамилій у семейскихъ встрѣчаются малорусскія, что свидѣтельствуетъ, повидимому, о примѣси малорусскаго элемента. Такимъ образомъ, группа «семейскихъ» не можетъ быть признана за вполне однородную, но во всякомъ случаѣ, въ настоящее время, она состоитъ изъ великоруссовъ, сохранившихъ въ своемъ

типѣ, изъ всего населенія Забайкалья, наиболѣе характерныя черты славяно-русскаго облика.

Затруднительнѣе опредѣлить происхождение «сибиряковъ». Г. Мацокинъ считаетъ ихъ продуктами смѣшенія великорусскихъ колонизаторовъ съ бурятскими женщинами, — смѣшенія, вызывавшагося отсутствіемъ русскихъ женщинъ среди поселявшихся здѣсь съ половины XVII в. русскихъ. Къ концу XVII в. русскихъ въ области насчитывалось только 7000 душъ мужского пола; къ 1761 г. оно увеличилось до 19542 душъ, но въ этомъ числѣ было до 5000 крещеныхъ бурятъ. Последнее извѣстіе показываетъ, что русское населеніе области увеличивалось не только путемъ браковъ съ бурятками, но и путемъ крещенія самихъ бурятъ, усваивавшихъ мало по малу русскій языкъ и формы быта. Съ другой стороны и самыя русскіе, явившіеся сюда во второй половинѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка, могли уже заключать въ себѣ инородческую примѣсь. Впервые они проникли въ Забайкалье изъ Якутской области, гдѣ уже ранѣе началась метисація, что доказываютъ какъ нѣкоторыя историческія свидѣтельства, такъ и тотъ фактъ, что новѣйшее русское населеніе Якутской области принадлежитъ по своему типу къ наиболѣе смѣшаннымъ. Вообще, есть основаніе думать, что забайкальскіе «сибиряки», выказывающіе слѣды инородческой примѣси, не представляютъ изъ себя однородной группы, а являются помѣсями различныхъ степеней, причѣмъ въ ряду расъ-производителей, кромѣ русской и бурятской, принимала также участіе якутская, а, можетъ быть, еще и другія инородческія. Во всякомъ случаѣ, по сравненію съ «семейскими», эта группа, несомнѣнно, гораздо менѣе чистая, заключающая въ себѣ болѣе или менѣе значительную примѣсь бурятской крови.

Г. Мацокинъ знакомитъ въ началѣ своего труда съ приемами своихъ антропометрическихъ изслѣдованій. Эти приемы, по употреблявшимся при нихъ инструментамъ и выбору измѣреній, не вполне соотвѣтствуютъ нынѣ установившимся, какъ это признаетъ и самъ авторъ. «Самымъ больнымъ мѣстомъ въ моей работѣ — говоритъ онъ — остаются нѣкоторыя пробѣлы и недостатки, состоящіе главнымъ образомъ въ томъ, что кое-какія измѣренія производились отличнымъ отъ общеустановленныхъ приемовъ способомъ; но единство такихъ способовъ, выдержанныхъ по отношенію ко всѣмъ 180 особамъ Забайкалья, нисколько, надо полагать, не умаляетъ достоинства итоговъ, которые поэтому могутъ въ достаточной степени служить вопросу о разрѣшеніи намѣченной этюдомъ цѣли». Однородность способа изслѣдованій, причѣннаго къ тремъ, сравниваемымъ между собою группамъ, конечно, есть необходимое условіе подобнаго сравненія, и при пользованіи своей подробной схемой наблюденій и измѣреній автору, дѣйствительно, удалось выяснитъ многія отличительныя черты изслѣдованныхъ имъ антропо-

логических групп. Тѣмъ не менѣе, своеобразность принятой имъ схемы затрудняетъ сравненіе его данныхъ съ имѣющимися относительно другихъ племенъ и не даетъ отвѣта на нѣкоторые вопросы. Объясняется же эта своеобразность тѣмъ, что авторъ, приступивъ къ своимъ изслѣдованіямъ, не былъ достаточно знакомъ съ антропологической литературой и съ антропометрическими инструкціями, и познакомился съ ними уже позже, при обработкѣ своего труда. Между описательными признаками у автора встрѣчаются такіе, которые оставляютъ слишкомъ много мѣста субъективной оцѣнкѣ; такъ, онъ говоритъ о «пріятныхъ» губахъ, о глазахъ, «кажущихся менѣе пытливыми, но за то болѣе привлекательными и открытыми», объ «уродливомъ» овалѣ лица и т. д. Волосы онъ дѣлитъ по цвѣту на черные и русые, а послѣдніе на темно-и свѣтлорусые, не упоминая совершенно о бѣлокурыхъ и рыжихъ, каковыя группы однако вообще выдѣляются при подобныхъ изслѣдованіяхъ. Измѣреніе носа производилось г. Мацокинымъ также иначе, чѣмъ другими изслѣдователями.

Познакомивъ съ приѣмами своихъ измѣреній, авторъ даетъ краткій географическій и историческій обзоръ области, а затѣмъ переходитъ къ подробному антропологическому описанію избранныхъ имъ трѣхъ группъ, на основаніи результатовъ своихъ изслѣдованій надъ указаннымъ выше числомъ особей. Описаніе это весьма подробно и сопровождается детальными таблицами измѣреній. Разсмотрѣвъ типы раскольниковъ и бурятъ, авторъ останавливается на сибирякахъ-метисахъ и отмѣчаетъ въ нихъ черты сходства съ бурятами, съ одной стороны, и съ «семейскими», съ другой. Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что метисы представляютъ собою особый типъ, занимающій среднее положеніе между типами производителей и приближающійся въ однихъ признакахъ къ «семейскимъ», въ другихъ — къ бурятамъ. По словамъ автора, среди метисовъ не встрѣчается полной реверсии къ одному изъ типовъ производителей, и они имѣютъ склонность къ образованію средняго, смѣшаннаго типа, отличающагося извѣстною стойкостью своихъ признаковъ. Впрочемъ, изъ данныхъ самого же автора видно, что различныя особи метисовъ выказываютъ далеко не одинаковое приближеніе къ типу бурятовъ. Съ другой стороны, изъ данныхъ о величинѣ головного показателя можно заключить, что метисы не только значительно удаляются, въ отношеніи къ этому признаку, отъ бурятъ (у которыхъ онъ, въ среднемъ, = 88,4), но даже уступаютъ семейскимъ (у послѣднихъ 82,6, у метисовъ — 81,1), выказывая болѣе число суббрахицефаловъ и мезоцефаловъ. Это обстоятельство способно наводить на мысль, не участвовали ли въ образованіи забайкальскихъ «сибиряковъ» менѣе короткоголовый элементъ, чѣмъ нынѣшніе «семейскіе».

Слѣдуетъ однако замѣтить, что типъ «семейскихъ» нашелъ въ послѣднее

время новаго изслѣдователя, въ лицѣ Ю. Д. Талько-Грынцевича¹⁾, собравшаго данныя о 232 мужскихъ особяхъ изъ большого села Бичуры и нѣкоторыхъ другихъ селеній Верхнеудинскаго округа Забайкальской области. Въ виду того что г. Талько-Грынцевичъ уже ранѣе занимался антропологическими изслѣдованіями въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Украинѣ²⁾, руководясь притомъ общепринятымъ методомъ, его выводы, несомнѣнно, заслуживаютъ вниманія, между прочимъ и по сравненію ихъ съ данными г. Мацокина. Сравненіе это указываетъ на нѣкоторыя довольно существенныя различія. Такъ, напр., г. Мацокинъ нашелъ у изслѣдованныхъ имъ семейскихъ 23% особей съ черными волосами, 43%—съ темнорусыми и 34%—съ русыми и свѣлорусыми, тогда какъ г. Талько-Грынцевичъ, среди изученныхъ имъ особей могъ констатировать только 1% брюнетовъ, 40% шатеновъ и 59% блондиновъ, откуда пришелъ къ выводу, что по своей бѣлорусности и преобладающему свѣтлому цвѣту волосъ семейскіе превосходятъ изслѣдованныхъ имъ ранѣе малороссовъ, бѣлоруссовъ и литвино-латышей. Подобнымъ же образомъ, въ отношеніи къ цвѣту глазъ, г. Мацокинъ могъ отмѣтить 31% особей съ карими и свѣтло-карими глазами, тогда какъ г. Талько-Грынцевичъ только 15%, хотя оба согласны въ томъ, что преобладающимъ цвѣтомъ глазъ у семейскихъ является сѣро-голубой и затѣмъ свѣтло-голубой. Г. Мацокинъ не соединяетъ цвѣтъ глазъ съ цвѣтомъ волосъ и кожи, тогда какъ г. Талько-Грынцевичъ выдѣляетъ типы блондиновъ (бѣлокурыхъ и свѣтлыхъ шатеновъ съ голубыми и сѣрыми глазами) и брюнетовъ (темно-шатеновъ и черноволосыхъ съ карими глазами) и находитъ, что у семейскихъ блондины составляютъ 77,4%, а чистые брюнеты только 3,9%. Ростъ семейскихъ былъ найденъ г. Талько-Грынцевичемъ=166,9 сант., значительно меньшимъ чѣмъ г. Мацокинымъ,—170,5; головной указатель, напротивъ, нѣсколько большимъ (83,1: у Мацокина 82,6). Не будемъ приводить другихъ различій, которыя могутъ отчасти объясняться различіемъ мѣстностей, изъ которыхъ происходили изслѣдованные субъекты. Къ сожалѣнію, какъ уже сказано, у г. Мацокина не приведено указаній, изъ какихъ селеній были родомъ его «семейскіе». Замѣтимъ также, что и по отношенію къ бурятамъ нѣкоторыя данныя г. Мацокина замѣтно расходятся съ данными гг. Шендриковскаго и Поротова.

Не считая поэтому возможнымъ утверждать, что изслѣдованія г. Ма-

¹⁾ Ю. Талько-Грынцевичъ. Къ антропологии великороссовъ. Семейскіе (старобрядцы) Забайкальскіе. Томскъ. 1898. (Съ двумя портретами).

²⁾ Его же сообщенія въ «Протоколахъ» Рус. Антр. Общ. при Спб. Унив. за 1890—91 г. и въ «Трудахъ» Антр. Общ. при Военно-Медиц. Акад. Спб. 1893, а также въ *Materyjaly do antr. Kraj. Akad. Umiet. w Krakowie*. Т. XX. 1895.

цокина въ состояніи быть признаны исчерпывающими вопросъ, и полагая, что они нуждаются еще въ провѣркѣ, я считаю однако необходимымъ отмѣтить, что г. Мацокинъ первый обратилъ вниманіе на необходимость систематическаго изученія типа помѣсей между русскими и бурятами и первый занялся такими изслѣдованіями съ большимъ стараніемъ и любовью къ предмету. Недостаточное знакомство съ методами и антропологической литературой было причиною нѣкоторыхъ пробѣловъ въ его наблюденіяхъ, но онъ старался восполнить ихъ подробностью въ описаніяхъ и измѣреніяхъ, причемъ имъ придуманы даже нѣкоторые спеціальные инструменты (напр., для измѣренія глазной щели и вдавленія переносья). Несмотря на нѣкоторые недостатки и промахи, трудъ г. Мацокина представляетъ интересъ, какъ первая попытка систематическаго изученія продуктовъ метисаціи между русскими и инородцами (монгольской расы), причемъ авторъ руководился рациональнымъ методомъ — сравненія типа помѣсей съ типами расъ-производителей, въ ихъ болѣе чистыхъ группахъ. Если результаты изслѣдованій автора въ этомъ направленіи и нуждаются еще въ провѣркѣ, если группа сибиряковъ-метисовъ и требуетъ еще болѣе тщательнаго анализа, какъ по отношенію къ ея составу и образованію, такъ и ея отличительнымъ признакамъ, то, во всякомъ случаѣ, будущему изслѣдователю нельзя будетъ игнорировать сопоставленій г. Мацокина и въ особенности указанной имъ устойчивости этой группы и ея промежуточнаго положенія между типами-производителями. Въ виду всего этого, я полагаю бы, что трудъ г. Мацокина заслуживаетъ нѣкотораго одобренія Академіи въ формѣ небольшой преміи.

Д. Анучинъ.